

НАРОДНА БИБЛИОТЕКА

Ч. 4.

ПОДКАРПАТСКЪ НАРОДНЪ КАЗКИ

УНГВАРЪ 1941

ВЫДАНИЯ ПОДКАРПАТСКОГО ОБЩЕСТВА НАУКЪ

Редагує и за редакцію отповѣдає :
Д-ръ Иванъ Гарайда.

ЗА БѢДНОГО ЧОЛОВѢКА И ЗА ВОРОНЯЧОГО ЦАРЯ.

Живъ, де не живъ, доста что десь живъ собѣ разъ одинъ бѣдный чоловѣкъ. Не мавъ онъ жадного богатства, кромѣ маленькой хатчины. нивки та двоихъ чорненькихъ, кудлатыхъ воликовъ. Та ще — забывъ я сказати — мавъ жону и цѣлу купу дѣтей. Ани самъ не знавъ, колько ихъ у малой хатчинѣ вискае, кричить та плаче.

Пошовъ разъ бѣдный чоловѣкъ поорати свою нивку, та взявъ изъ собою и своего наймолодшого сына.

Дѣтвакъ сѣвъ подъ корчъ та косицями бавився. Бѣдный чоловѣкъ зъ чорненькими, кудлатыми воликами почавъ нивку орати.

Оре бѣдный чоловѣкъ, оре, та ледвы выоравъ двѣ три борозды, коли захмариться небо надъ нимъ, застелиться сонце, якъ бы чорна ночь наступала.

Дивиться бѣдный чоловѣкъ, яка то хмара сонце такъ нагле застелила, та увидить надъ собою потя, величезное потя.

Дзѣобъ у него, якъ остра копія, пазурѣ, якъ самѣ гаки а крыла, что и чотыри сонця бы застелили не то одно, какое на бѣдного чоловѣка свѣтило.

Настрашився бѣдный чоловікъ, страшенно напудився, коли то потя спустилося по серединѣ его нивы. та взяло подѣ своѣ крыла и его сына та ще и кудлатыхъ воликовъ изъ плугомъ. изъ телѣшкою. якъ они орали.

А ще больше перестрашився, коли то потя заговорило до него людскимъ голосомъ:

— Скажи, бѣдный чоловіче. ци теперъ твого сына взяти, ци твоихъ воликовъ, бо моѣ дѣточки дуже зголоднѣли?

— Бери мене! — каже на то бѣдный чоловікъ. — Я вже и такъ старый!

— Тебе не беру. много ты догану вже прокуривъ. твое мясо вже доганомъ пахнет. та моѣ дѣточки отъ него похворѣють! Давай твого сына, або кудлатыхъ воликовъ! — отповѣло то то страшное потя.

Подумавъ бѣдный чоловікъ, что бы тутъ робити? Дѣтей у него богато. Коли сю дѣтину и отдасть. останется ще дома. на припѣчку ихъ доста. Волики у него только сѣ два. Якъ ихъ се паскудное потя отнесе, чимъ онъ ниву заоре, чимъ дѣточкамъ. собѣ. та своей жонѣ хлѣбъ заробить.

— Не мудрый довго. але выбирай, что менѣ отдашь, ци дѣтину, ци худобину — пильновало его то потя и почало своими пазурами землю гребсти.

Подивився бѣдный чоловікъ на тотѣ пазуры, та пожаловавъ свою дѣтинку.

— Буде, что буде. — онъ еѣ не дасть въ пазуры сей страшной тварины!

— То уже скорше моѣ волики возьми, — сказавъ сумно.

— Щастя маешь, что не дѣтину посиловавъ, бо бывъ бы бывъ и волики и тебе спрѡстивъ — сказало чорное потя. — Та абысь знавъ, за твоѣ волики я добре заплачу. Зашли ты до моеѣ палаты одного изъ трехъ своихъ сыновъ, та я ему за волики отдамъ то, что лише у моеѣ палатѣ ему полюбитъся и что отъ мене зажадае.

— А де твоя палата? — зазвѣдавъ бѣдный чоловікъ.

— Твоѣ сыны вже еѣ найдуть за зелеными полонинами, за густыми лѣсами, на срѣберномъ полю, только най звѣдають, де воронячий царъ жие — сказало потя та подхопило своими пазурами чорненькѣ кудлатѣ волики изъ плугомъ изъ телѣшкою, якъ они нивку орали, та изъ ними отлетѣло.

Вернувся бѣдный чоловікъ сумно до дому.

— А де ты волики дѣвѣ? — зазвѣдала жона.

Чоловікъ розказавъ всю пригоду. Засумовала и жона. Та и заплакала:

— Что изъ нами буде? Якъ намъ хлѣбъ насущный уродиться, коли ты ани нивку не заоравъ. ани зерно не посѣявъ?

— Не плачь мамко, — каже найстарший еѣ сынъ.

— Насъ тутъ дѣтей такъ много, зберуся та пойду я за воронячимъ царемъ. Ци вже заплатить, ци нѣтъ, хоть одною скибою менше хлѣба буде дома потребно, коли бы и не повернувся!

Заплакала на се бѣдна жона еще больше:

— Не ходи сыне, никуды не ходи, то странное потя ще и тебе тамъ десь изъ свѣта изведе. Буде, якъ буде, при насъ вже и тобѣ скиба хлѣба найдется — говорила.

Та дарьмо говорила, плакала. свого сына не могла задержати.

Спекла ему паленицю, цибульку въ тайстрину поклала, такъ его мусѣла пустити у велику дорогу.

Рушився найстарший сынъ бѣднаго чоловіка глядати, куды то за зелеными полонинами, за густыми лѣсами. на сріберномъ полю палата воронячого царя стоить.

Перейшовъ одну полонину, перейшовъ двѣ, дійшовъ до темного лѣса та дуже зголоднѣвъ.

Сѣвъ собѣ подъ корчомъ, выбравъ изъ тайстрины паленицю та цибулю и почавъ заѣдати. Не встигъ разъ въ ротъ покласти, видить, передъ нимъ на дорожцѣ хрома ворона скаче. поскакуе.

Щасти Боже! — говорить до него ворона.

— И тобѣ — отповѣвъ хлопець.

Сяде ворона коло хлопця и дивиться, якъ той смачно ѣсть, цибулю та паленицю грызе.

— Ци не посиловавъ бы ты и мене хоть крыхоткою паленицѣ? Я такъ зголодиѣла! — говорить до него хрома ворона.

— Найди собѣ сама, паленицѣ и у мене мало та передомною ще велика дорога — сказавъ ей найстаршій сынъ бѣднаго чоловѣка, бо бывъ отъ твердого и скупого сердца.

— Куды твоя дорога тебе веде? — зазвѣдала ворона.

— Ось иду за густый лѣсъ на сръбренное поле, де палата твого царя стоять! — отповѣвъ хлопецъ.

— Возьми и мене на свое плече, бо и я туды спѣшуся, та ни крыла, ни ноги вже не въ силѣ мене носити — просила его хрома ворона.

— Де я ще и тебе буду носити? — отбивъ еѣ хлопецъ немилосердно.

Хрома ворона на то и подскочила, поднялася на крыла та и полетѣла. Такъ у неѣ ноги та крыла болѣли та были безсильнѣ.

— Яка ты хитра! Ще на моихъ плечахъ нестися хотѣла! — сердився бѣдный хлопецъ. Zobравъ что изъ паленицѣ та цибулѣ осталось, склавъ у тайстрину та рушився дале глядати за густымъ лѣсомъ сръбренное поле, де палата воронячого царя стоять.

Николи онъ ани такое поле, ани таку палату не найшовъ. Заблудивъ у густомъ лѣсѣ, та не могъ изъ него высвободитися.

Чекае бѣдный чоловікъ та его жона, коли ихъ сынъ отъ воронячого царя повернеся. Та дарьмо чекають. Дни и ночи минають. за хлопця ни вѣсти, ни чутки.

Каже разъ середуший сынъ:

— Спечи ты, мамко, и менѣ одну паленицю, та цибуль до тайстры наготови. Пойду я, подивлюся за своимъ братомъ. Може менѣ удасться найти палату воронячого царя, та ще и свого брата назадъ приведу!

— Не ходи ты, сыне мой, никуды! — Мы вже дакъ и безъ платнѣ воронячого царя пожиеме, а братъ твой, коли Богъ такъ судивъ, повернеся и самъ! — благала его жона бѣдного чоловіка.

Та не могла допросити, доблагати. Мусѣла спечи и тому одну паленичку, покласти въ тайстрину цибульку та пустити его въ дорогу.

Иде и середуший хлопець черезъ зеленѣ полонины, черезъ густый лѣсъ. Иде и онъ, куды видить, что вороны лѣтають. Туды и мае быти палата воронячого царя, туды мавъ заблудити и его братъ.

Середъ густого лѣса зголоднѣвъ, выбравъ паленицю та цибулю. почавъ ѣсти, заѣдати.

И спередъ нимъ появилась хрома ворона и отъ него запросила крыхотку паленицѣ.

— Твой царь отъ насъ волики забравъ, та най онъ тебе годуе! — сказавъ їй середуший хлопець.

— Возьми мене хоть на своѣ плечи, абы хрома безсильно тутъ въ лѣсѣ не загинула! — просила ворона.

— Най, тебе твой царь на своѣ крыла бере! — смѣявся изъ неѣ хлопецъ.

Ворона подскочила, поднялася на крыла та полетѣла.

Середущий хлопецъ здивовано за нею подивився та рушився и самъ въ дальшу дорогу.

Та николи ани онъ не найшовъ ни среберное поле, ни палату воронячого царя.

Заблудивъ въ лѣсѣ, якъ и его братъ, та не могъ изъ него найти въ свѣтъ дорогу.

Чекають бѣдный чоловѣкъ и его жона своихъ сыновъ до дому, та не можуть дочекатися. Про нихъ ни чути, ни видати. Пропали безъ слѣду.

Каже разъ найменший ихъ сынъ своей мамцѣ:

— Мамко, приготовте и менѣ тайстрину. коли у васъ ще муки есть, спечѣть паленицю та пустѣть и мене въ дорогу! Може я и отъ воронячого царя платню за волики принесу та и своихъ братовъ до дому приведу!

Заплакала бѣдна жона, почала свого сына просити, бламати, та не могла допросити, доблагати. Мусѣла спечи ему паленицю, покласти цибулю въ тайстрину та пустити его въ дорогу.

Перейшовъ наймолодший сынъ зелеными полони-

нами, зайшовъ и онъ въ густой лѣсъ. Подъ тымъ самымъ корчомъ. де колись его братья сидѣли, почавъ и онъ вѣсти, заѣдати.

Ще и не встигъ выбрати изъ тайстрины паленицю, уже хрома ворона появилась и скаче передъ нимъ на дорожцѣ.

— Ходи, ходи, покушай, яка у мене палениця! — силуе еѣ наймолодший хлопецъ бѣдного чоловѣка, — та кине ей читавый кусокъ изъ своеѣ паленицѣ.

— А изъ цибулѣ не дашь? — звѣдае его хрома ворона.

— Чому бы не давъ, коли ты и на цибулю полакомилася! — говорить хлопецъ та отрѣже ей половину изъ цибульки.

Ворона из'ѣла паленицю, из'ѣла и цибулю, красно подяковала та зазвѣдала:

— Куды се ты, чоловѣче, заблудивъ въ сей лѣсъ, отки ще жива душа не могла выкрутитися?

— Я. дивися, хочу достатися сюды десь на сръберное поле, де палата твого царя стоить и куды майже и моѣ братья заблудили — отповѣвъ хлопчикъ.

— Возьми ты, хлопчику, мене на своѣ плечи, бо нога у мене хрома, та крыла заслабли — просить его ворона.

— Чому бы не взявъ, ще николи ворону на своихъ плечахъ не носивъ — смѣявся хлопецъ та поднявъ ворону на свое плече.

Такъ рушивъ въ дорогу та ворона ему все до уха пошептала: — Теперь направо, теперь налѣво, теперь просто иди!

Ишли они такъ двѣ днины и двѣ noci, перейшли однимъ, перейшли двома густыми лѣсами. Разъ лише провиднѣлося передъ ними. За деревьями видно было широкое поле. Та ще какое поле? Трава, цвѣты, ще и камѣня изъ самого сръбла!

Та середъ того поля, десь, генъ далеко, виднѣлася величезна скала и сама изъ сръбра, а на вершку тоѣ скалы бѣлѣлася чудесна палата.

Чудовався хлопецъ. Николи онъ такого не видѣвъ, ани собѣ не приснивъ. Якъ на краю лѣса сѣли и двое изъ хромою вороною поѣли все, что ще въ тайстринѣ изъ паленицѣ та изъ цибулѣ осталось, сказала хрома ворона наименшому хлопцеву бѣдного чоловіка:

— Тамъ на той высокой скалѣ стоитъ палата мого царя. Ты вже дорогу и самъ найдешъ. Та что до мене такой добрый бывъ, за твою доброту и добромъ заплачу. Пораджу тобѣ. Якъ мой царь буде тебе звѣдати, яку платню за волики собѣ выбравъ, та не проси отъ него инше, только то, что въ него все подъ периною, подъ головою, коли онъ спить!

Тымъ хрома ворона и попрощалася, поднялася на своѣ крыла та полетѣла назадъ у густый лѣсъ.

Бѣдняцкий сынъ дойшовъ до величезной скалы,

вороняча сторожа завела его просто до срібного престола, на якому воронячий царь сидѣвъ.

— Якъ ты сюды дорогу найшовъ? — зазвѣдавъ отъ него воронячий царь.

— Добрѣ люде мене справляли, дорогу показовали — отповѣвъ наймолодший сынъ бѣдного чоловѣка. той самый, який колись изъ своимъ отцемъ нивку орати пошовъ.

За хрому ворону ничего не сказавъ.

— Та коли ты сюды дойшовъ, мушу я додержати свое слово. Порозглянь, пороздивися въ цѣлой палатѣ. та скажи. что тобѣ полюбилося. что тобѣ маю дати? — сказавъ ему воронячий царь.

Три днѣ и три noci ходивъ бѣдняцький сынъ по теремахъ царской палаты та ще все ани десяту часть комнатъ не заходивъ.

Давъ себе тогды привести передъ царя и каже ему:

— Дуже красна у тебе палата, я уже много у ней видѣвъ, много менѣ и полюбилося. Але что бы я изъ такимъ богатствомъ робивъ. что я досѣ видѣвъ? Я дальше уже дивитися и не буду. Дай ты менѣ, царю. то. что все подъ твоею периною есть, коли ты на ней спишь!

Розгнѣвався воронячий царь, давъ прикликати всѣхъ воронъ, якѣ изъ бѣдняцкимъ хлопцемъ по палатѣ ходили. та всѣмъ таки передъ бѣдняцкимъ хлопцемъ голову стяти приказавъ.

— Се тому, чтр тобѣ таку дурницю котрась изъ нихъ порадила! — сказавъ хлопецѣви. А потому почавъ наговорювати хлопця, чтобы хоть что инше отъ него просивъ, только того нѣтъ, что у него подъ периною есть, коли на ней спить.

— Але коли менѣ только то полюбилосѣ и то менѣ треба! — отповѣвъ хлопецъ.

— Дамъ тобѣ и волы и только золота, колько они за собою потягнути можуть! — обѣцявъ воронячий царь.

— Нѣтъ. Менѣ ты только то одно дай, что подъ твоею периною есть, — стоявъ хлопецъ на своемъ.

— Дамъ тобѣ все, что есть въ палатѣ! Только то одно менѣ лиши! — просивъ его воронячий царь.

— Для чого менѣ твоя палата, я еѣ отнести не могу! Ты менѣ только то одно дай! — повторявъ бѣдняцкій хлопецъ.

Что мавъ царь робити? Выбравъ изъ подъ своеѣ перины маленький млинецъ, у якому у панскихъ хижыхъ каву мелють, та и подавъ его бѣдняцкому хлопецѣви.

— Тутъ его маешь, та счезни чимъ скорше изъ спередъ моихъ очей, бо ще могу тя розскубсти! — закричавъ на него сердито.

Настрашився бѣдняцкій хлопецъ, поклавъ млинецъ скоро у свою тайстрину та побѣгъ изъ воронячого царства, якъ ноги могли нести.

Только якъ зайшовъ уже у густый лѣсъ, тамъ осмѣлился сѣсти и мало отпочинуть.

Дуже бывъ уже и голодный. Поклавъ передъ себе млинець та подивився, ци въ тайстринѣ не осталася хоть крыхта изъ домашноѣ паленицѣ.

Не осталася, тайстрина была порожна.

— Дурно менѣ та ворона порадила, — сумовавъ и журился. — Могъ бы я мати теперь всякое богатство и ѣсти и пити, могъ бы мати и волю и палату. а я взявъ собѣ отсю дѣточу забавку!

Взявъ въ своѣ руки малый млинець, подивився на него, что на немъ, ци въ немъ може быти такого дорогого, что воронячий царь готовый бывъ дати ему и цѣлу свою палату за сей млинець.

Ничого на немъ не видѣвъ. Простый собѣ млинець бывъ, ще ани не новый.

— Умру я тутъ изъ голоду! — журился.

— Кобы теперь спередомною простерся такой столъ, якъ я его въ палатѣ видѣвъ, изъ такими дорогими стравами та напитками — зажелавъ та бавлячися изъ млинцемъ, покрутивъ его рамено.

Якъ только то зробивъ, уже и стоявъ передъ нимъ такой самый столъ, изъ такими самыми дорогими стравами, солодощами та напитками.

— Дивися, что мой млинець знае? — зачудовався.

— Та якъ менѣ самому до сякоѣ гостины сѣдати? Попробуйме, что мой млинець знае?

Покрутивъ хлопецъ знову млинцемъ та сказавъ:

— Най будуть тутъ всѣ моѣ братья, сестры та и моѣ родичѣ!

Въ той хвилинь сидѣла за столомъ цѣла родина бѣдного чоловіка. И онъ самъ и жона та и дѣти отъ пайбольшой до найменшой.

Доти ани не встали отъ стола, доки все изъ стола не поѣли.

Тогды вернулись щастливо до дому та отъ того часу живутъ въ достаткахъ. Что имъ только потребно. млинець имъ все намеле.

Якъ то не вѣрите, найдѣть ихъ хатчину та позвѣдайте отъ нихъ самыхъ!

Якъ хотять. то може и скажуть!

ЗА ИВАНА, ЯКИЙ КАЖДОГО ПОСЛУХАВЪ.

Десь у одному селѣ, подъ синими горами, темными лѣсами у зворинѣ, живѣ собѣ бѣдный чоловікъ. Имя его было Иванъ. Бывъ якъ иншѣ бѣднѣ люде и роботящий и благий. Та ще таку натуру мавъ, что каждого любивъ послухати, только свою жону нѣтъ. Дарьмо ему его жона говорила:

— Не дурѣй, ты, Иване! Не слухай ты никого. только мене, бо другѣ тебе лише дурять!

Иванъ сказавъ: — Добре, добре! — Та всетаки, якъ коли ему ктось чтось порадивъ, то онъ и послухавъ.

Каже разъ бѣдна жона своему чоловікови, Иванови:

— Иди у млинѣ, понеси жито змолоти! Та менѣ изъ млина скоро повертай. та изъ никимъ по дорозѣ до розмовы не ставай!

— Добре, добре, — отповѣвъ Иванъ якъ звичайно. Взявъ беременено жита на плечи та пошовъ у млинѣ. Жито уже давно змолоть, та тому. что жона ему казала, ани у гадцѣ не мавъ скоро повертати.

Сидѣвъ у млинѣ и дивився, якъ мельникъ меле и

слухавъ, что люде говорятъ. И втямивъ, что мельникъ изъ каждого вѣка, одну мѣрку собѣ бере.

Геть пополудню каже ему мельникъ:

— Ци видѣвъ ты, ци добре подивився якъ то у млинѣ робиться?

— Видѣвъ и научився, — отповѣвъ Иванъ.

— Та тогды иди собѣ уже дому, та на пути якъ изъ кимось стрѣнешся то и скажи ему, якъ тутъ видѣвъ: »Бодай бы была изъ одного вѣка одна мѣрка«.

Иванъ послухавъ та и рушився до дому. Якъ по дорожѣ иде и беременено муки несе. видить, что на нивѣ люде пшеницю жнуть та снопы складують.

Стане Иванъ коло нихъ, чому бы до дому спѣшився, пригадае мельниковѣ слова та каже имъ:

— Здоровѣ робѣть, бодай бы была изъ одного вѣка, одна мѣрка!

— Мара тебе сюды принесла, — сердилися женцѣ.

— Де ты такое дурное говоришь?

— То менѣ мельникъ такъ сказавъ, — оправдовався Иванъ.

— По дурному тобѣ казавъ. Де такъ можно говорити? То треба казати такъ: »бодай бы вы не переносили, та не перевозили, бодай бы такъ много мали!«

— Перебачте, я посему уже такъ и скажу! — перепрошовавъ ихъ Иванъ та пошовъ изъ своимъ беременомъ.

Ще ани до села не дійшовъ, якъ стрѣчае опроводъ. Несуть мертвого у цвинтаръ та плачуть за нимъ.

Каже имъ Иванъ:

— Чого се вы плачете? Бодай бы вы не переносили, та не перевозили, бодай бы вы такъ много мали!

Розгнѣвалися всѣ на Ивана. Коли бы было то не на такомъ смутномъ мѣстѣ сталося, може и набили бы были его.

— Перебачте, мене женцѣ научили, что такъ треба говорити, — перепрошовавъ Иванъ.

— По дурному тебе научили. Коли такое видишь, треба казати: »бодай такое не видати и не чувати!«

— Добрѣ, по сему такъ и скажу — обѣцявъ Иванъ и пошовъ изъ своєю мукою.

Недалеко то дійшовъ, якъ иде ему на зустрічъ весѣля. Ведуть молодицю, гудуть та спѣвають, изъ флашками помахують.

Перестали и Ивана та силують:

Каже имъ Иванъ:

— Бодай такое не видати и не чувати!

Якъ се свадьбовники учули, почали Ивана ганьбити, грозити:

— Якъ ты такое дурное можешь говорити?

— Менѣ то такъ порадили, — отгрѣбуеся Иванъ

— По дурному тобѣ порадили. — Якъ такое ви-

дишь, треба такъ говорити: — бодай бы ты изъ нею обоймався та цѣловався!

— Дякую, по сему такъ скажу, — отповѣвъ Иванъ и пошовъ дале.

Середь села стрѣчае чоловѣка, який веде за собою читаву свинку.

Каже ему Иванъ:

— Бодай бы ты изъ нею обоймався та цѣловався!

Дивиться чоловѣкъ, что се Иванъ изъ нимъ задирается. Хопить свою палицю та и лусне Ивана черезъ плечѣ.

— Что се вы мене за красное слово палицею б'єте?

— чудуется Иванъ.

— Ты дурню, то тобѣ красное слово, чтобы я изъ свинею обоймався та зъ нею цѣловався?

— Мене люде такъ учили, что такъ треба казати — пояснювавъ Иванъ, та не розумѣвъ, чому то такѣ дурнѣ люде на свѣтѣ суть.

Онде однѣ пораждать, а другѣ за то и псують и б'ють.

— Дурно тебе учили — говоривъ ему газда. — То коли такое стрѣчаешь, маешь казати: »бодай бы ты наѣвся до шиѣ и замастився до локтю«.

— Дякую, я досѣ сего не знавъ, по сему такъ я буду говорити — сказавъ Иванъ та, мудруючи надъ такимъ дивнымъ свѣтомъ. пошовъ дале.

Уже майже дойшовъ до дому, коли видить, его

сусѣдъ везе изъ двора великий возъ гною.

Подумавъ Иванъ, то справдѣ не яло, чтобы онъ изъ своимъ сусѣдомъ не привитався та ему доброе слово не сказавъ.

Закричавъ на своего сусѣда, який сидѣвъ на возѣ:

— Бодай бы ты до шиѣ наѣвся и до локтю замастився!

Сусѣдъ чѣтоь сердито на него крикнувъ и почавъ батогомъ махати.

Иванъ се уже справдѣ не розумѣвъ, чому его сусѣдъ на него погнѣвався.

Коли своей жонѣ все розказавъ, якъ то онъ нынѣ по дорожѣ походивъ, жона только розсмѣялася и говорила:

— Сказала я вже тобѣ, Иване, что ты только мене слухай, а не чужихъ людей. Видишь, якъ по дурному тобѣ радили?

Отъ того часу Иванъ только на свою жону слухавъ та и розумнымъ ставъ.

ЗА ДѢДОВОГО КОГУТИКА ТА ЗА БАБИНУ КУРОЧКУ.

Десь за рѣчкою. за лугомъ, та за перелазомъ жили разъ старый дѣдо та его дорога сусѣдка стара баба. Никого на свѣтѣ коло себе не мали, ни дѣтей, ни внуковъ, ни челяди. ни маржинки, кромѣ одного когута та одной курочки.

Дѣдо мавъ когута, а баба курочку.

Та тота курочка знесла каждого божого дня одно яйце. Баба, стара бабка, продала яйце та все было у неѣ грошей на соль, на оцетъ, та на что у хатинѣ грошѣ потребнѣ.

Дѣдо зычивъ, позывавъ отъ бабы то соли, 'то оцту. Разъ баба розгнѣвалася та сказала:

— Доки я тобѣ позычати буду? У тебе когута! Най знесе тобѣ яйце, та купи собѣ, что тобѣ потребно!

Не хотѣвъ когута знести яйце, та дѣдо розсердився и прогнавъ когута.

Скочивъ когута на перелазъ. смутно закукурѣвавъ та пошовъ у свѣтѣ. Иде, вандруе. Перейшовъ черезъ лугъ, перелетѣвъ черезъ рѣчку, заблудивъ у

густый лѣсъ. Тамъ у лѣсѣ стрѣчае медведя. Звѣдае
отъ него медвѣдь:

— Куды то ты, когутику, идешь?

Когутикъ отвѣвъ:

— Прогнавъ мене дѣдо та иду я до царя службу
просити!

— Иду и я, будеме двое, скорше на службу насъ
примуть, — силуеся медвѣдь.

— Та стань изъ заду — отвѣвъ когутикъ.

Идутъ двое, когутикъ та медвѣдь. Перейдутъ од-
нымъ лѣсомъ, перейдутъ и другимъ, въ третьемъ лѣсѣ
подъ полонинами стрѣчаютъ вовка.

Звѣдае вовкъ:

— Куды се ты когутику, изъ моимъ батечкомъ
идете?

— Прогнавъ мене дѣдо. та иду до царя службу
просити! — отвѣвъ когутикъ.

— Возьмѣть и мене изъ собою! На полонинѣ ов-
чарѣ ягнята дуже сокотять, треба менѣ тутъ изъ го-
лоду умерти — проситься вовкъ.

— Стань изъ заду, та ходи изъ нами! — сказавъ
когутикъ.

Ишли уже трое. Когутикъ, медвѣдь та вовкъ. Пе-
рейшли черезъ полонину, пустилися въ зворину одну,
другу. Въ третьей стрѣчаютъ лисичку:

— Куды се ты, когутику, изъ дѣдомъ медведемъ,
та зъ братомъ вовкомъ идешь? — звѣдае лисица.

— Прогнавъ мене дѣдо та иду до царя службу просити! — отповѣвъ когутикъ.

— Най иду и я изъ вами, тутъ въ селѣ уже люде на всѣ курники замки понакладали, гусей, качать позапирали. Изъ голоду менѣ умерти треба! — просилася и лисичка изъ ними.

— Стань и ты изъ заду, та идѣмъ! — згодився когутикъ.

Идутъ они уже четверо. Когутикъ, медвѣдь, вовкъ та лисичка. Перейшли черезъ зворины, черезъ поля, нивы, якъ увидѣли села и города, то оминали. Такъ и дойшли они до царской палаты.

Когутикъ вылетѣвъ на золотѣ ворота и закукурѣкавъ:

— Кукурику гагу, туй емъ, пресвѣтлый царю.

Учувъ то царь и сказавъ своему придворникови:

— Иди зазвѣдай, что тутъ тотъ когутикъ хоче?

Когутикъ сказавъ:

— Прогнавъ мене дѣдо изъ дому, прийшовъ я до царя службу просити!

Приказавъ царь, чтобы его пустили въ курникъ, межи курята.

Якъ дойшли до дверей курника. каже когутикъ до придворника:

— Пусти разъ тамъ мою сестричку изъ заду!

Придворникъ отвѣвъ: — Та най иде!

Залѣзла лисичка въ курникъ та всѣ кури задавила, позаѣдала.

Другого рана вылетѣвъ когутикъ знову на золотѣ ворота та закукурѣкавъ:

— Кукурику гагу, туй емъ, пресвѣтлый царю!

Пробудився царь и приказавъ когутика заперти у хлѣвъ, помежи конѣ.

Сказавъ когутикъ царьскому слугѣ:

— Пусти разъ тамъ мого братчика изъ заду!

Слуга пустивъ въ хлѣвъ вовка та ще и дверѣ на него замокъ.

Скочивъ вовкъ помежи конѣ, роздеръ. позабивавъ ихъ до одного. Робивъ тамъ цѣлый день, цѣлу ночь, ще и кости погрызъ.

Другого рана вылетѣвъ когутикъ знову на золотѣ ворота та закукурѣкавъ:

— Кукурѣку гагу, туй емъ, пресвѣтлый царю!

Розсердився царь, что когутикъ его такъ скоро рано будить. Приказавъ своему придворникови:

— Запри вже того когутика десь, чтобы менѣ каждого рана подъ окномъ не кукурѣкавъ!

— Мы вже его до курника и до хлѣва межи коней запирали, та все вылѣзъ — отвѣвъ придворникъ.

— Прикажи заперти его межи волю, — сказавъ царь.

Пошовъ слуга, чтобы заперти когутика межи волы. Когутикъ его и просить:

— Пусти навпередъ моего дѣда изъ заду.

Сказавъ слуга:

— Та най иде!

Залѣзь медвѣдь помежи волы. Когутикъ у дверяхъ притягся. Робивъ медвѣдь у хлѣвѣ день и ночь. До рана не осталось живого вола въ хлѣвѣ, ще и ихъ кости, та роги были розтрощенѣ, та шкура ихъ роздерта.

Скоро рано, якъ только зоряло, вылетѣвъ когутикъ на царскѣ ворота и якразъ подѣ окномъ царской палаты закукурѣкавъ:

— Кукурѣку гагу, туй емъ, пресвѣтлый царю!

Теперь гнѣвався поправдѣ царь. Чтось дуже красное ему приснилось, а когутикъ его пробудивъ, та отогнавъ его солодкий сонъ.

— Запри уже того когутика, бо коли нѣтъ, тебе дамъ заперти! — сказавъ своему придворникови.

— Запирали мы его вже у курникъ, у хлѣвѣ межи конѣ, та межи волы та ничего не помогло — отповѣвъ придворникъ.

Запрѣтъ его въ скарбницю. На скарбници желѣзнѣ дверѣ, одти не вылѣзе — приказавъ царь.

Заперли когутика въ царську скарбницю. де срібро, золото, царскѣ скарбы стояли.

Залѣзъ тамъ когутикъ. Робивъ тамъ цѣлый день и цѣлу ночь, та всѣ царскѣ скарбы, золотъ та сребрнѣ грошѣ зажеръ. Не осталось въ царской скарбниці ани грейцаря.

Скоро рано, якъ лише зоряло, вылетѣвъ на оконце скарбницѣ, одти на ворота та подъ окномъ царя и закукурѣкавъ:

— Кукурѣку гагу, будь здоровый, пресвѣтлый царю!

Тымъ и злетѣвъ изъ царскихъ воротъ та побѣгъ.

— Имѣть менѣ того когута, та зотнѣть его голову, бо коли нѣтъ, то дамъ твою голову зтяти — закричавъ царь сердито на своего придворника.

Послали за когутикомъ regimentъ войска, але не могли его догонити. Когутикъ то летѣвъ, то поскаковавъ черезъ поля, нивы, черезъ зворины, полонины. Медвѣдь, вовкъ та лисичка бѣгли за нимъ. У звориинѣ залишилася лисичка, подъ полониною вовкъ, въ густомъ лѣсѣ медвѣдь.

Перелетѣвъ когутикъ черезъ рѣчку, перебѣгъ черезъ лугъ та десь за лугомъ подъ перелазомъ, что ще все такъ дуже бѣгъ, утративъ одинъ грейцарь.

За тымъ грейцаремъ хотѣли пуститися изъ него и другѣ грошѣ, та когутикъ подскочивъ на дѣдовое окно и закричавъ:

— Кукурику гагу, постели верету!

Якъ дѣдо постеливъ верету, потрясъ крыльцями та коли почали изъ него ляться золотѣ та сръбериѣ грошѣ, блискучѣ скарбы!

Повно было не только на веретѣ, але и на постели, на столѣ, подѣ столомъ, та всюды въ хатчинѣ.

—Якъ бы се пораховати? -- журился дѣдо.

Пошовъ до бабы и позычивъ отъ неѣ вѣко, чтобы -- коли пораховати не може, хотъ вѣкомъ помѣрjати грошѣ.

— Для чого тобѣ вѣко — звѣдала баба.

— Крумплѣ изъ ямы выбравъ та помѣрjати хочу — отповѣвъ дѣдо.

Але баба не вѣрила ему. Дуже хотѣла знати, якѣ то крумплѣ дѣдо мѣрjати буде. Прилѣпила на дно вѣка кусочокъ смолы. Якъ дѣдо грошѣ мѣрjавъ, одно золото и прилипло до вѣка.

Такъ баба дозналася, якѣ у него крумплѣ. Доти дѣда просила, наговорювала, что дѣдо сказавъ всю правду. Якое газдовство ему его когутикъ у царя за-служивъ.

Розсердилася баба на свою курочку, что тотъ только по одному яйцеву ѣй зношуе. Прогнала курочку най иде и она, та най грошѣ заслужить.

Пошла курочка, та передъ лугомъ, подѣ перелазомъ найшла блискучий новыи грейцарь, что его когутикъ загубивъ.

Прожерла грейцарь та и вернулася до дому.

— Стели скоро верету! — сказала бабѣ.

Баба дуже зрадовалася. простерла верету, не одну, але всѣ. колько ихъ мала.

Скочила курочка на верету, почала кодкодачити та и пустила на верету одинъ грейцарь.

Баба погнѣвалася та курицю зарѣзала.

Изъ того одного золота, что до вѣка прилипло, довго она жила сама. Наконецъ дѣдо взявъ еѣ до себе.

Може ще и нынѣ десь они живутъ, бо ще и нынѣ чути что десь поодинокъ когутикъ запѣває:

— Кукурику гагу, постели верету!

Попробуйте постелити. може и вамъ насыпле грошей безмѣры!

ЗА ДѢДОВУ ДОНЬКУ, ТА ЗА БАБУ-БОСОРКАНЮ.

Живъ, де не живъ, доста что десь живъ, живъ собѣ разъ старый дѣдо. Умерла отъ него его жона та залишила сироту дѣвчину.

Дѣдо изъ тыждня на тыждень за заработкомъ ходивъ, не было на кого дѣвчину-сироту дома лишати.

Привѣвъ дѣдо мачоху до хатчины, чтобы его доньку дозирала, годовала та на добро научала.

Та мачоха дуже зненавидѣла дѣдову доньку, бо и свою мала. Думала, думала, якъ бы запропастити, загубити молодую дѣвчину. Сама еѣ забити боялася.

Доти думала, что разъ, коли дѣдо отойшовъ на свою дорогу, сказала дѣдовой донцѣ:

— Пойди ты, дѣвчино моя дорога, до моеѣ сестры, та принеси отъ неѣ иглу и нитки! Я тобѣ сорочку шити хочу.

Зачудовалася дѣдова донька, что еѣ мачоха такъ красно до неѣ проговорила, та ще и сорочку для неѣ шити готовиться. Зрадовалася, та побѣгла за иглою та за ниткою.

А сестра еѣ мачохи жила ажъ десь за лѣсомъ подѣ

цвинтарёмъ. Бѣжить дѣвчина, чтобы чимъ скорше иглу та нитки принести, та по дорожѣ въ лѣсѣ увидить, что тамъ паскудна ропуха изъ бѣлою мышеняткою б'еся.

Лягла ропуха на мышенятко та тутъ-тутъ его и задавить.

Стала дѣдова донька. Николи она такое чудо не видѣла, чтобы жаба зъ мышкою билася. Пожаловала бѣлое мышенятко, взяла бигарь та отогнала жабу-ропуху.

А — чуйте такое — коли не проговорить до неѣ тогда тота бѣла мышка людскимъ голосомъ:

— За твою доброту я тобѣ отдячуся! Куды ты, дѣвчино, идешь?

— Я до сестры моеѣ мачохи за иглою та за ниткою бѣжу. Моя мачоха менѣ сорочку зшити хоче! — хвалилася дѣвчина.

— Не йди ты до сестры твоеѣ мачохи, бо то баба-босорканя, та тебе из'ѣсть.

— Якъ бы я не йшла, коли то мене моя мачоха про иглу та про нитки посилае, та коли мой отецъ менѣ приказавъ, чтобы я свою мачоху слухала — отповѣла дѣвчина, бо была дуже честна, дуже послушна.

— Та коли ты уже ити хочешь, зроби хоть такъ, якъ я тобѣ поражду — просила мала мышка.

— Якъ ты менѣ радишь? — звѣдала дѣвчина.

— Посадить тебе босорканя за кужѣль, чтобы ты

пряла. та пустить на тебе кота, чтобы той твоѣ очи выдерѣ. Якъ будешь хотѣти втечи, пустяться за тобою псы, заскрипляютъ ворота, ще и березы у воротахъ очи твоѣ дерти будутъ, только чтобы тебе задержали. абы ты утекти не могла. Я тобѣ дамъ кусокъ мяса, скибу хлѣба, кусокъ масла та и червонный пантличокъ. Якъ тобѣ котъ очи дерти хоче, подай ему мясо, якъ тебе псы роздирати хотять, кинь имъ хлѣбъ, а ворота масломъ помасти, березу пантликомъ привяжи, такъ може ты и утечешь отъ босорканѣ — сказала бѣла мышка та подала дѣвчинѣ все, что обѣщала.

Иде дѣвчина дале, але уже не такъ дуже бѣжитъ. И повѣрила то, что мышка ѣй сказала и не повѣрила, мясо, хлѣбъ, масло и пантличокъ у себе заховала та такъ иде.

Якъ выходитъ изъ лѣса, утямить, что подъ корчемъ гадина на ящурцѣ сидить та задавити еѣ хоче.

Стала дѣвчина, бо николи такое ще не видѣла, абы гадина изъ ящуркою билася. Пожаловала малу ящурку, вхопила бигарь та отогнала гадину.

А — чуйте такое — коли не проговорить до неѣ мала ящурка людскимъ голосомъ та не скаже:

— За твою доброту я тобѣ отдячуся! Не ходи ты, дѣвчино до бабы-босорканѣ, бо дарьмо тобѣ бѣла мышка мясо, масть, хлѣбець та пантликъ подала, отъ

страшной босорканъ ты не утечешь, она тебе догонитъ!

Зачудовалася дѣвчина, отки то ящурка знае все? И то, куды она иде, и то, что ѳй мала мышка радила та подаровала?

И повѣрила то, что ящурка ей сказала и нѣтъ. Мало подумала та сказала:

— Чому бы я до сестры своеѳ мачохи не ишла, коли менѳ моя мачоха сорочку зшити хоче, та про иглу та про нитки посылае, та коли менѳ мой нянько приказавѳ, чтобы я свою мачоху слухала!

— Та коли такъ, то иди! Але хоть зроби, якъ я тобѳ раджу! Дамъ я тобѳ полотенце та гребѳнець. Якъ буде за тобою босорканя бѣчи и вже майже догонитъ, вержи на землю разъ гребѳнь, а коли еще разъ догонитъ, вержи и полотенце, може такъ отъ неѳ освободишся, утечешь! — сказала ей мала зелена ящурка та вынесла изъ своеѳ норы полотенце, и гребѳнець та дѣдовой донцѳ подала.

Пошла дѣвчина дале, за лѣскомъ, надъ цвинтаремъ найшла хатину, въ якой жила баба-босорканя, сестра еѳ мачохи.

У воротахъ росли березы, ворота застелили.

Якъ дѣвчина приблизилася, березы стягли своѳ галузя и перепустили дѣвчину. Ворота самѳ отворилися. псы на дворѳ ани головы не поподнимали, такъ солодко спали, на дѣвчину ани не подивилися.

— Что менѣ бѣла мышка говорила? — подумала дѣвчина. — Ни березы не дерли, ни ворота не скрипѣли, ни псы на мене не подивилися.

Зайшла дѣвчина до бабы-босорканѣ.

— Дай вамъ, Боже, здоровья! — поклонилася.

— И тобѣ, дѣвчино дорога! — отповѣла баба-босорканя та на дѣдову дѣвчину усмѣхнулася.

По хребтѣ дѣвчины ажъ морозъ перебѣгъ. Бо баба-босорканя была дуже паскудна. Очи у неѣ жовтѣ, зарослѣ якъ у совы, носъ майже до колѣнъ, а зубы, якъ у двоухъ коней.

— Чого ты до мене завітала? — зазвѣдала баба-босорканя.

— Мене моя мачоха, ваша сестра, за иглу та за нитку прислала, бо сорочку менѣ зшити хоче — отповѣла дѣдова донька.

Баба-босорканя заразъ догадалася. Она уже знала, что изъ такими дѣвчатами треба робити, якихъ злѣ мачохи до неѣ про иглу та про нитки засылають.

— Заразъ. заразъ! — сказала. — Я заразъ тобѣ иглу та нитки найду, виглядаю. Тільки доти сядь, возьми кужѣль, та пряди!

Взяла дѣвчина кужѣль, сѣла собѣ та пряде.

Разъ чуе. баба у дверяхъ заговорить:

— Ци прядешь, дорога моя?

— Пряду, пряду, — отповѣла дѣвчина. Потому и чуе. якъ баба-босорканя комусь шепонить:

— Наноси воды, наклади огонь! Купати еѣ будемс, потому и зарѣжемс!

Напудилася дѣвчина и подумала, ци то баба-босорканя не еѣ купати та рѣзати готовится, якъ то бѣла мышка казала?

Думала уже утечи, та въ дверяхъ баба знову заговорила:

— Ци ты, дорога, прядешь?

— Пряду, пряду, — отповѣдае дѣвчина на половину мертва отъ страху.

Дале чует, что баба опять шепонить до когось:

— Ходи, котику, крозь окно та потому выдери еѣ очи, чтобы не видѣла, что изъ нею робити хочеме!

Учула дѣдова донька и се, та ще все боялася утечи. Чекала, что буде. Разъ видить, лѣзе паскудный, голый котъ крозь окно. Дѣвчина взяла изподъ своего плата мясо та кинула котови.

У дверяхъ баба зазвѣдала:

— Ци се ты, дорога моя, ще прядешь?

— Пряду, пряду — отповѣла дѣвчина та дивилася на кота.

Котъ из'ѣвъ мясо та сказавъ ей:

— За се я тобѣ отдячуся. Давай кужѣль, я буду замѣсто тебе прясти и говорити, а ты бѣжи, скоро бѣжи, доки баба та еѣ служниця воду не розогрѣють та купѣль для тебе не приготавлиать. Бо якъ баба

за тобою изъ ножомъ придетъ, то уже поздно буде бѣчи!

Передала дѣвчина кужѣль. выбѣгла на дворъ. Тамъ на неѣ псы и кинулися. Взяла дѣдова донька хлѣбець и вергла имъ. Псы почали хлѣбцемъ дѣлитися та пустили дѣвчину.

Иде до воротъ, хоче одопирати а тоты скрипонѣти почали. Взяла дѣвчина масло, помастила ворота. тоты еѣ пустили безъ скрипу. Выходить изъ воротъ, та березовѣ стовпы галузя заставають еѣ дорогу. Взяла дѣвчина червоный пантличокъ, привязала на галузя. Березовѣ стовпы, галузя зогнулися та пустили дѣвчину.

Побѣгла дѣвчина. якъ духа стало.

Баба-босорканя доти воду розгрѣвала. Поразъ. поразъ приходила до дверей и звѣдала крозь дверѣ:

— Ци ты, моя дорога, ще придешь?

— Пряду, пряду — отповѣвъ котъ.

Коли вода закипѣла, взяла баба-босорканя ножъ та пошла въ хату, чтобы дѣвчину зарѣзати. Та видить, что при кужѣлѣ еѣ котъ сидить. Уже богато напярвѣ, уже все и замотавѣ.

Якъ баба увидѣла, что дѣвка утекла, почала своего кота сварити та бити. Та сказавъ еѣ котъ:

--- Ты мене не бий, служивъ я въ тебе довгѣ вѣки. та ты менѣ ани косточки не дала. А она, ось мясомъ

погодовала, тому я еѣ очи не выдерѣ, тому ей утечи помогѣ.

Бѣжить баба на дворѣ. Гадала, что тамѣ псы дѣвчину задержали. Та они ще все хлѣбцемѣ дѣлаться. хлѣбець доѣдають.

Почала баба-босорканя и псовѣ ганьбити, бити. Тотѣ ей сказали:

— Не бий ты насѣ, бабо-босорканьо! Мы тобѣ вѣрно служили довгѣ роки. Ты намѣ ани паленоѣ, скурки не дала. А она насѣ свѣжимѣ хлѣбцемѣ посиловала. Тому мы еѣ не роздерли, та ей утечи помогли!

Бѣжить баба-босорканя до воротѣ и кричить:

— Чому вы не заскрипѣли?

— Чому бы были мы скрипѣли? Тобѣ служиме мы уже довгѣ роки, ты насѣ ани водою не полляла, а она насѣ свѣжимѣ масломѣ помастила. Тому мы не заскрипѣли. але ей утечи помогли!

Бѣжить баба-босорканя и до березѣ:

— Чому вы еѣ не задержали, еѣ очи не выдерли?

— Якѣ бы были мы еѣ задержовали, еѣ очи выдирали? Служили мы тобѣ довгѣ роки, ты на насѣ ани цураву рядночку не привязала, а она ось червонымѣ пантличкомѣ прикрасила. Тому мы еѣ не задержовали. але ей утечи помогли.

Розлютилася, розбѣсилася баба-босорканя. Погрозила своимѣ ножомѣ:

— Чекайте, чекайте. я еѣ догоню та сюды назадъ приведу. Тогда и изъ вами розрахуюся и васъ вѣрно служити научу!

Та такъ, изъ великимъ ножомъ въ руцѣ, почала доганяти дѣдову доньку.

Бѣжить дѣвчинка застрашена, перелякана. Разъ чуетъ, что за нею чтось дубонить. тросконить. Взадъ ани не подивилася, бо уже знала. что баба-босоркани еѣ доганяе.

Ухопила гребѣнецъ та кинула позадъ себе. Тогда только осмѣлилася подивитися взадъ. Та видитъ гребѣнецъ перемѣнився въ густый широкий лѣсъ. Она осталася цѣзъ сего боку, баба изъ другого.

Почала баба-босорканя перегрызатися черезъ гушавину. Руками дерла, ножомъ рѣзала тернины, корчѣ, галузя.

Дѣвчина не чекала, доки она перегрызесея, побѣгла дале. якъ духа стало. Бѣжить. бѣжить, уже недалеко и ихъ хатчину видно. Уже только черезъ лужокъ перебѣчи та и дома буде. Тогда учуетъ, что чтось за нею страшенно сопить, страшенно дыше. Взадъ ани не подивилася. знала, что то еѣ баба-босорканя догнала.

Взяла дѣдова донька полотенце та кинула позадъ себе. Только тогда обернулася и на бабу-босорканю подивилася.

Та — чуйте такое — изъ полотенця зрбилася ши-

рока та глубока рѣка. Протекла межи дѣвчиною та бабою-босорканею.

Баба-босорканя осталася изъ одного боку, дѣвчина была уже на другому. Дарьмо босорканя метала собою, бѣсилася, глубоку воду не могла перебрысти, черезъ рѣку не могла переплысти.

Доки побѣгла назадъ за своимъ вѣникомъ, чтобы на него сѣсти, подъ хмары поднятися, та черезъ рѣку перелетѣти, дѣдова донька щастливо дойшла до дому.

— Ци принесла ты иглу та нитки? — зазвѣдала отъ неѣ еѣ мачоха.

— Не принесла. ни иглы. ни нитокъ — отповѣла дѣдова донька, та все своему нянькови розказала, якъ той до дому повернувся.

Дѣдо прогнавъ злу мачоху та николи уже свою доньку на чужѣ жоны не залишавъ, скорше изъ собою и въ дорогу бравъ.

Отъ тогды они щастливо жили. Коли не вмерли, то ще и нынѣ живутъ десь за густымъ лѣсомъ, за великою рѣчкою.

ЗА ДУЖОГО ПЕТРА И ЗА ЧОРТЯКУ.

Колись то давно, дуже давно, коли ще люде иншакъ жили, та по земли всякъ потворы, чудовища ходили, въ тыхъ то часахъ, живъ десь бѣднѣй чоловѣкъ изъ своею жоною.

Уродилася у нихъ дѣтина, та уже десята, похрестили еѣ на имя Петро.

Ледвы Петро изъ колыски выросъ, то уже изъ своими братами та изъ сусѣдскими хлопцями розшибатися почавъ. Та скоро не было такого хлопця, якого бы бувъ Петро до землѣ не поклавъ.

Тому и назвали его Дужимъ Петромъ.

Якъ Петро у легиня выросъ, до ниякой работы не брався, только изъ каждыиъ переганятися, розшибатися хотѣвъ.

— Имися уже ты до даякой работы! — казавъ ему его отецъ. — Не видишь, якъ мы мучимся, тяжко робиме, та бѣдуеме?

— Виджу, та я своею силою та своимъ розумомъ легше собѣ колачъ зароблю — отповѣвъ Петро, что его Дужимъ въ селѣ называли.

— Кобы ты бодай чорный хлѣбъ могъ заробити. не тамъ бѣлый колачъ — говоривъ бѣднѣй чоло-

вѣкъ, та не переставъ своему сынови докоряти, что той ничего робити не хоче.

Доти ему докорявъ, что Петро завѣсивъ на себе тайстрину, поклавъ въ нѣѣ яйце, узявъ до руки читавый бигарь, та пошовъ у свѣтъ, силою и розумомъ бѣлый колачъ заробити, богатство здобыти.

Ишовъ онъ довго, черезъ лѣсы та поля, черезъ горы та моря, зъ многими перегонявся, зъ многими розшибався, та не найшовъ отъ себе сильнѣйшого. Куды ходивъ, куды не ходивъ. пасущный свой хлѣбъ, хочу казати, бѣлый колачъ все такъ заробивъ. Яйце у тайстринѣ осталось у него цѣлое.

Разъ якъ такъ ходить, свой хлѣбъ заробляе, найшовъ на широкомъ полю старого овчаря, что стадо овецъ сокотить, та дуже чомусь журиться.

— Чого ты такъ, дѣду — журишься, коли у тебе такое стадо овецъ? — звѣдае Петро дѣда.

— Якъ бы я не журився, коли до вчера не было на цѣлой околици богатшого отъ мене, а нынѣ ани ся палиця, что еѣ у руцѣ держу, не моя! — отповѣвъ старый овчарь, та розказавъ цѣлу свою пригону.

— Передучора живъ я ще онъ тутъ недалеко въ свѣтлой палатѣ. Моѣ были всѣ поля, лѣсы, луги, полонины, что твоѣ очи можуть заглянути. Моѣ были всѣ стада, череды, овцѣ, конѣ, воны, что на нихъ и теперъ пасутся. Та вчера заблудила сюды якась потвора, якоесь чудовище, чортяка та и' выкѣрвавъ

мене изъ моею родиною изъ палаты. Забравъ палату, забравъ весь мой скарбъ, забравъ и стада и поля и нивы, цѣлое богатство. Такой сильный той чортяка, что не могла противъ него самого постояти вся моя прислуга. Та абы мене ще больше заганьбивъ, ось своимъ овчаремъ поклавъ, та овцѣ, что отъ мене ихъ забравъ, сокотити приказавъ. А что наибольше мене зажурило, ось нынѣ ще до мене приславъ, абы я свою одиноку доньку до него за служницю пустивъ. Якъ менѣ, отже, не журитися, не сумовати!

— А де той чортяка, то чудовище, живе — зазвѣдавъ Петро, что его Дужимъ назвали.

— Онъ, недалеко за лѣсомъ лежитъ моя палата, тамъ онъ живе. Але близько туды не ходи, бо якъ утямить, то и тебе име, та его служити тобѣ прикаже — сказавъ ему старый овчаръ.

— Мене Петромъ Дужимъ называютъ — отповѣвъ легинь гордо и пустився прямо у тоту сторону, куды та палата мала лежати.

Якъ дойшовъ до воротъ тоѣ палаты, задуркавъ своимъ бигаремъ та закричавъ:

— Гей, чортяко, чудовище, коли не боишься, ходи, змѣряй своѣ силы изъ Петромъ Дужимъ!

Выйде чортяка у ворота, подивиться на Петра та и засмѣся:

— Ты изъ мною на перегонъ ставати хочешь? Что ты можешь знати? Дивися, який я сильный!

Якъ то сказавъ, ухопивъ чортъ читавый камѣнь, что у воротахъ лежавъ, та вергъ тымъ камѣнемъ. Летѣвъ камѣнь, летѣвъ, ажъ подъ хмары подлетѣвъ, ще и хмары перебивъ, только за годину-двѣ передъ ними на лузѣ упавъ. Отъ снѣгу, леду, что на него у хмарахъ прилипли, ажъ мокрымъ ставъ.

— Что се за сила? Ты, абы камѣнь змокъ, мусишь его ажъ у хмары кинути. Я зрблю то простѣйше. Стисну камѣнь въ одной руцѣ, что изъ него заразь вода потече — сказавъ Петро. Подхопивъ камѣнецъ, та крадькомъ приклавъ до него и яйце изъ тайстрины. Якъ то въ руцѣ потись, то вода изъ камѣня потекла.

Зачудовався чортяка. Попробовавъ то и самъ зрбити. И десять камѣнцятъ розтрощивъ та вода ани изъ одного не потекла.

Заганьбився чортяка и сказавъ Петрови:

— Та ходи, переспи у мене сеѣ noci, завтра знову попробуеме, кто изъ насъ сильнѣйшій!

— Добре, я завтра знову прийду, але спати уже у тебе не буду. ще могъ бы я тебе сеѣ noci задавити — отповѣвъ ему Петро и пошовъ спати у колибу старого овчаря.

Другого дня рано задуркавъ опять у ворота до чортяки:

— Ходи, чорте, попробуеме, кто изъ насъ сильнѣйшій!

Выйшовъ чортяка и сказавъ:

— Пойдемъ нынѣ въ лѣсъ и попробуемъ, котрый изъ насъ знае сильнѣйше засвистати!

— Добре — отвѣвъ Петро. — Засвищи ты першому, ты старший!

Пошли обое въ лѣсъ. Чортъ надувся та засвиставъ. Такъ засвиставъ. такий изъ себе вѣтеръ выпустивъ, что изъ деревъ всьо листья позпадовало. Петро приперся до одного бука, чтобы и его вѣтеръ на землю не зваливъ.

Каже тогда Петро:

— Боюся, что коли я засвищу, то твоѣ очи не остануться на мѣстѣ, але выскочать! Давай, най ти разъ очи ширѣнкою завяжу!

Приставъ чортъ на се, и завязавъ своѣ очи ширѣнкою. Тогда Петро ухопивъ букъ та луснувъ чорта по головѣ, что того очи справдѣ майже выскочили изъ своихъ ямокъ.

— Ци свистати еще разъ? — зазвѣдавъ Петро.

— Йой, не свищи, не свищи! Переспѣмъ ще одну ночь, та завтра попробуемъ опять змѣряти своѣ силы — просився чортяка.

Петро пошовъ и на сю ночь спати до старого овчаря. Ледвы зоряло, уже задуркавъ у ворота чортяковоѣ палаты:

— Ходи, чорте, битися!

Каже ему чортъ:

— Днесъ будеме бѣчи на перегоны, увидиме у кого есть до того больше силы!

Мудровавъ Петро, что бы тутъ зробити. Якъ идуть лужкомъ, увидить, что подъ корчомъ заяць сидить. Каже чортови:

— Якъ я начну бѣчи та розженуся, то хиба на другомъ краю свѣта застановлюся. Зъ такими, якъ ты, я бѣчи въ перегонъ не можу. Змѣряй разъ ты своѣ силы изъ моимъ братомъ, что ось тутъ подъ корчомъ сидить!

— Добре, закричи на него. чтобы бѣгъ — поставъ чортъ на токму.

Петро закричавъ на заяця. Заяць выскочивъ и побѣгъ. Чортяка не могъ его догонити. Вернувся до Петра задыханый, умореный.

— Такъ, ци хочешъ ще и зо мною перегонятися? — зазвѣдавъ Петро.

— Нѣтъ, не хочу, — отповѣвъ чортъ. — Переслѣмъ ще одну ночь, та зробиме послѣдну пробу, але теперъ ходи уже до мене спати!

— Нѣтъ, до тебе я не иду. боюся, чтобы тебе задусивъ — сказавъ Петро та пошовъ до овчаревыхъ ночовати.

Чортяка не могъ цѣлу ночь спати, такъ его розсердило, что найшовся отъ него сильнѣйший чоловікъ въ семь краю.

Рано чекавъ на Петра уже у воротахъ.

— Такъ что будеме нынѣ робити? — зазвѣдавъ Петро.

— Будеме розшибатися! — отповѣвъ чортяка.

— Но хвала Богу, я досѣ черезъ цѣле житя ничего иншого не робивъ только розшибався. Але найдѣмъ десь доброе мѣсто, де есть и мягка глина и легонький пѣсокъ, бо коли тобою десь у камѣнь ударю та больше одти не выцабаешься — сказавъ ему Петро.

Пошли они мѣсто глядати та найшли печеру, у якій сидѣвъ медвѣдь. Каже Петро чортови:

— Тутъ буде и добре. Але я разъ изъ тобою не хочу розшибатися, бо ще могъ бы тебе изъ сего свѣта зпропастити. Знаешь что? Тутъ у сей печерѣ сидитъ мой старый дѣдо, что отъ старости уже ледвы на ногахъ стоитъ. Змѣряй ты разъ своѣ силы изъ нимъ!

Приставъ чортяка на се. Тогда Петро вергъ коломъ у медведя. Медвѣдь ставъ, забурмотѣвъ а чортъ до него и причепився.

— Здоровѣ бийтеса! Я изъ далека буду дивитися. та на тебе почекаю — сказавъ Петро и такъ и зробивъ, якъ сказавъ.

Медвѣдь почавъ чортомъ бити, почавъ его дерти. Зарѣвѣвъ чортъ, что чути было его ревъ ажъ на десятыхъ полонинахъ.

— Пусти, пусти! Я уже николи изъ твоими рода-

ками та изъ твоимъ внукомъ на змаганя ставати не буду! Только теперь разъ пусти! — благовъ.

Медвѣдь чось забурмотѣвъ та ще лѣпше почавъ изъ чортомъ до землѣ бити.

Ледвы, ледвы могъ чортиско вырватися изъ его пазуровъ, тяжкихъ обоймовъ.

— Дякую, что ты мене живого пустивъ — сказавъ чортъ медведеви та побѣгъ за Петромъ.

Петро стоявъ уже у воротахъ свѣтлой палаты, за-
котивъ рукавы та такъ чекавъ на чорта:

— Ходи, ходи! Теперь я изъ тобою буду розшибатися!

Заревѣвъ чортъ, заплакавъ:

— Ледвы я отъ твоего дѣда освободився! Помилуй, пусти мене, николи я изъ твоими родаками до сварки не стану, ани ихъ не покривджу!

— Але и той старый дѣдъ, что ты его изъ себѣ палаты выгнавъ, та ему твоѣ овцѣ попасовати приказавъ, абысь знавъ и той дѣдо есть моимъ родакомъ!
— отповѣвъ Петро.

— Йой, йой, — заревавъ чортяка. — Коли и онъ твоимъ родакомъ есть, я ему и овцѣ и стада, нивы, полонины та цѣлу палату изъ усѣмъ богатствомъ отдамъ, только ты лиши мене у супокою та изъ мною до битки не стань! Пусти мене, чоловіче, ци якъ тебѣ честовати! Только теперь разъ пусти! Николи я на сю околицю не заверну, ще и своимъ внукамъ при-

кажу, чтобы сей край оминали, твоимъ родакамъ супокій дали.

— Коли такъ, то скличь всю свою родину, та чтобы васъ тутъ николи не увидѣвъ, ани вашего духа не зачувъ! — сказавъ ему Петро, что его Дужимъ звали.

Зрадовався чортяка, на землю упавъ, такъ Петрови дяковавъ. Та скликавъ усю свою чортовску родину та прислугу. За минуточку, за двѣ не было изъ нихъ никого видно, ани на семей полонинѣ, всѣ до одного утекли, десь за семью горами у своѣ пещеры попряталися. Ще и тамъ отъ страху тряслися, ци часомъ той Дужий Петро за ними своихъ родаковъ, брата, дѣда не прише.

Петро передавъ цѣлый маєтокъ, палату, нивы, полонины, стада, оцѣ, конѣ и волы, все, все богатство назадъ старому дѣдови.

Дѣдо на то ему и сказавъ:

— Что я уже изъ богатствомъ робити буду? Старый я уже, легче менѣ изъ овцями ходити. Бери ты цѣлое газдовство, возьми мою доньку за жону, та собѣ жийте и здорово газдуйте!

Забывъ я сказати, что дѣдова донька была молодая, та отъ ней красшой Петро нигде еще не видѣвъ, хоть уже тричетвертины свѣта перейшовъ.

Приставъ онъ на сяку токму, якъ бы не приставъ!

Взявъ дѣдову доньку, зробили вѣсѣля.

Ще и нынѣ танцюють, коли уже имъ не надобло. Ще только хочу сказати, что Петро взявъ до своеѣ палаты и своихъ родичевъ, та всѣхъ братовъ, та сестеръ.

Отъ того часу всѣ до одного жиють тамъ бѣлымъ колачемъ, котрого имъ заробивъ Петро своею силою и своимъ розумомъ та вырвавъ изъ рукъ чортяки, тоѣ потворы, яка въ тыхъ часахъ ще по земли ходила.

Кто не вѣруе, най поїде подивиться, якъ они танцюють и якъ бѣлымъ колачомъ живуть.

· ЗА БЛУДНОГО КОНИКА. ·

Темными почками, горами-долинами, полями-селами ходить, бѣжить собѣ блудный коникъ. Около повночи чути поразъ-поразъ, якъ задубонить на перехрестію дороги, якъ заиржае у воротахъ цвинтаря.

Кто изъ васъ чувъ уже его дубканя, его иржання? Не дай Боже, чтобы вы за нимъ обернулись, на него подивилися! Страшное, дуже страшное могло бы изъ вами статися.

Такъ менѣ то старѣ люде, старѣ бабы говорили, котрѣ уже изъ тымъ блуднымъ коникомъ стрѣчались та ледвы могли отъ него освободитися.

Тотѣ старѣ люде менѣ говорили, старѣ бабы розказовали, что про того коника знали. Коли послушаете, то я вамъ то теперь до слова розкажу, якъ слѣдъ переговорю.

Живъ разъ, де не живъ одинъ бѣдный чоловѣкъ, та мавъ одного хлопця-легинчука. Богатства они не мали, але двое все только заробили, что было у нихъ все, что потребовали.

Разъ пошовъ той бѣдный чоловѣкъ изъ своимъ сыномъ у хащу дрова рубати. Наварила имъ жона

бѣднаго чоловѣка горшокъ чирѹ, завязала у петельки, такъ пустила ихъ на роботу.

Робили они, робили, та что, скоро рано до работы имилися, скоро и зголоднѣли. Ще полудня не было. они уже сѣли въ холодокъ та из'ѣли чирѹ. Якъ наѣлися, каже бѣдный чоловѣкъ своему сынови:

— Иди до керницѣ, та принеси менѣ воды!

— Въ чому я тобѣ маю принести, коли у насъ ни корчаги, ни вѣдра?

— Принеси у горшку, что изъ него чирѹ из'ѣли — сказавъ бѣдный чоловѣкъ.

Пошовъ хлопецъ до керницѣ, зачеръ горшокъ въ керницю, а въ той самой хвилинь зазвонили въ селѣ на полудне.

Хлопецъ забывъ перехреститися, бо якъ тамъ воду начиравъ, задубонѣло чтось за нимъ, потому страшно загремѣло, скала надъ керницею отворилася и выступивъ изъ неѣ на чорномъ кони червеный панъ. А який то панъ бывать? Отъ пяты ажъ до шапки платя на нему червеное, волося, борода и усы червонѣ. только лице блѣдое ажъ пожовклое. Закричить сей червоный панъ на хлопця-легинища:

— Что ты мою воду, якъ на полудне звонять, ка-ламутишь?

— Нянько мене про воду прислали, — отповѣвъ хлопчикъ ледвы дыхаючи.

— Та не знавъ ты горшокъ свой отъ чирѹ вымыти.

та не знавъ ты, доки на полудне отзвонять, почека-ти? — кричавъ панъ.

На то надбѣгъ и бѣдный чоловѣкъ та почавъ перепрошовати червоного пана, чтобы не кивавъ молодого дѣтваку, бо то онъ всему виненъ, онъ его по воду приславъ.

— Коли ты тому виненъ, то одинъ рокъ будешь самъ собѣ робити. Твой сынъ останется въ мене на службѣ. За рокъ прийди до сеѣ керницѣ, якъ познаешь своего сына, тогды и дамъ его назадъ — сказавъ червоный панъ та разомъ изъ хлопцемъ исчезъ въ скалѣ, ще и горшокъ отъ чиру изъ собою взяли.

Журился бѣдный чоловѣкъ, та своего сына не могъ дочекати. Робивъ самъ черезъ цѣлый рокъ. Якъ рокъ перейшовъ, прийшовъ онъ идъ керницѣ. Якъ зазвонили на полудне, отворилася скала, вийшовъ червоный панъ изъ трьома хлопцями.

— Такъ подивися, котрый есть твой? Якъ его спознаешь, то поведешь изъ собою, якъ нѣтъ, останется ще на одинъ рокъ у мене! — сказавъ ему червоный панъ.

Дивився бѣдный чоловѣкъ на хлопцевъ, та ниякъ не могъ своего спознати. Всѣ хлопцѣ были однакъ, якъ бы ихъ изъ одного ока выбравъ.

Показавъ бѣдный чоловѣкъ на крайнього изъ нихъ. Червоный панъ только зареготався:

— Не уганувъ ты, сей середущий есть твой! Прийди за рокъ!

Якъ то сказавъ и отзвонили полудне, та червоный панъ изъ усѣми трьома хлопцями зчезъ въ скалинѣ.

Журился бѣдный чоловѣкъ цѣлый рокъ, та дарьмо журился. Якъ минувъ рокъ, пошовъ знову до керницѣ. Коли почали въ селѣ звонити на полудне, отворилася скала надъ керницею, выйшовъ изъ неѣ червоный панъ, та за нимъ три легинчуки.

— Добре ты на своего подивився, якъ его не спознаешь, останеся на дале у мене! — сказавъ червоный панъ.

Дивився бѣдный чоловѣкъ, добре на нихъ дивився та показавъ на середущого.

Зареготався знову червоный панъ:

— Не уганувъ ты, бо теперь тутъ стоитъ изъ краю! Прийди за рокъ знову!

Журился бѣдный чоловѣкъ, та за одинъ рокъ пошовъ опять до керницѣ.

Якъ скала отворилася, выйшовъ изъ неѣ червоный панъ изъ трьома хлопцями.

Дивився на нихъ бѣдный чоловѣкъ, дививъ. та такъ они однакъ были, что ниякъ не могъ спознати.

— Такъ скоро выбирай, бо уже заразы отзвонять на полудне — пильновавъ его червоный панъ. — Але уважай, бо се напоследъ выбираешь, якъ и теперь не уганешь, то хлопецъ твой на вѣки останеся у мене.

Бѣдный чоловѣкъ не могъ выбирати. Тогда, якъ дивиться на хлопцевъ, утямить, что одному изъ нихъ прокапнула малесенька слезонька изъ одного ока.

— Се есть моимъ! — показавъ на него бѣдный чоловѣкъ.

Розгнѣвався, розлютився червоный панъ, та на хлопця розкричався:

— Тому я тебе на всякъ чары научавъ, что ты твоему отцеву теперь знакомъ выразишь себе? Чекай, чекай! Я свое слово додержу. пущу тебе изъ нимъ. Але, чтобы ты знавъ. я за тобою разъ прийду и тебе изъ собою заберу!

Зрадовався бѣдный чоловѣкъ, коли скала затворилася и онъ остався изъ своимъ хлопцемъ при керниці. Але потому и зажурився, бо пригадавъ собѣ погрозу червоного пана.

— Не журѣться, няньку, Богъ намъ поможе, та уже и я чтось отъ червоного пана отучився! — потѣшавъ его сынъ.

Вернулись щастливо до дому, та жили собѣ въ достаткахъ. Бо молодой хлопецъ у червоного пана много чаровъ вже научився. та все, что имъ было потребное, ци вже заробивъ, ци причаровавъ.

За червоного пана вже майже и забыли. Та разъ пошовъ бѣдный чоловѣкъ изъ своимъ сыномъ на торгъ. Якъ тамъ на торзѣ стоять, на прохожихъ див-

ляться, надлетитъ червоный панъ на своемъ чорномъ конику.

Бѣдный чоловѣкъ страшно напудився. Але сынъ сказавъ ему:

— Берѣть скоро сей ремѣнецъ, что въ рукахъ маю. Я перемѣнюся въ пса а вы будете держати за ремѣнецъ. Коли бы ктось мене отъ васъ купивъ, то продайте, только якъ ремѣнецъ передасте, не забудьте мене погладити по головѣ тогды все буде въ порядку!

Ледвы се хлопецъ договоривъ, уже червоный панъ стоявъ передъ бѣднымъ чоловѣкомъ та глаумливо на него смѣявся:

— Что? Перше коло себе свого сына ты мавъ, а теперъ у тебе вже только одинъ песъ? Колько за него просишь?

Бѣдный чоловѣкъ не посмѣлився сказати, что песъ не на продажъ, почавъ токмитися, торговати та за добрѣ грошѣ и продавъ червоному пану свого пса. Якъ ему его ремѣнецъ до рукъ передавъ, пригадавъ сыновѣ слова и погладивъ пса по головѣ.

Уже дале ани не мавъ дяки на торзѣ торговати. зажурено. засмучено повернувъ до дому.

Та дивиться у дверцяхъ уже чекавъ на него его сынъ. та смѣявся.

Черезъ мѣсяць. черезъ два пошли они и другой разъ на торгъ. Якъ тамъ на торзѣ стоять, опять надлетитъ червоный панъ на своему чорному кони.

Якъ его втямили, передавъ хлопецъ своему отцѣви ремѣнецъ та сказавъ:

— Только не забудь погладити!

Въ той минутѣ и перемѣнився хлопецъ у вола. Прийшовъ червоный панъ, купивъ отъ бѣднаго чоловѣка вола. Чоловѣкъ погладивъ вола по головѣ та передавъ ремѣнецъ червоному панови.

Якъ только дойшовъ бѣдный чоловѣкъ до дому, вже его хлопецъ чекавъ на него у дверцяхъ.

По сему уже на червоного пана ани не подумавъ, бо отъ него уже ани не боявся.

Ходили на торги неразъ, не дваразъ, нигде червоного пана не видѣли. Минули мѣсяцъ, минули и роки. Разъ опять пошли они обое на торгъ. Якъ на торзѣ стоять и торгуютъ, та и надлетить червоный панъ.

Хлопецъ скоро передавъ своему отцѣви ремѣнецъ и скоро перемѣнився въ чорного коня, та не мавъ часу пригадати своему отцѣви, чтобы погладити не забывъ.

Червоный панъ купивъ коня отъ бѣднаго чоловѣка та повѣвъ его. Бѣдный чоловѣкъ, отъ великого страху та отъ наглої несподѣванки. забывъ погладити своего коня. якъ его червоному панови передавъ.

Сумно заиржавъ на то конь. та вже было поздно, бо червоный панъ потягъ его за собою.

Дойшовъ бѣдный чоловѣкъ до дому, та у дверцяхъ никого не было. Дарьмо онъ чекавъ день и два, дарь-

мо чекавъ тыждиѣ, мѣсяцѣ, про его сына ани слуху, ани чутки.

Засумовавъ бѣдный чоловѣкъ, та не дожився одного рока, отъ великого жалю померъ.

А на рокъ по торзѣ и у повночи заиржавъ чорный конь у воротахъ бѣдного чоловѣка. Никто изъ дому не выходивъ, бо бѣдный чоловѣкъ уже у гробъ лежавъ. Не было кому коня погладити, не могъ онъ перемѣнитися у живу людину, у богобойное сотворѣня.

Отъ того часу блукае чорный конь по земли. Отъ того часу темными ночами по повночахъ, передчимъ когуты бы запѣли, даколи чути его дубканя на перехрестяхъ дорогъ, его иржаня у воротахъ цвинтаря.

Видять его та чують и тутъ и тамъ. та ани имити. ани освободити не можуть.

Такъ то менѣ старѣ люде, розумнѣ бабы розказовали, якѣ его и самѣ неразъ видѣли, та чтобы и вы про се знали. ось я и вамъ розказавъ.

ЗА ДѢДОВУ ТА ЗА БАБИНУ ДОНЬКУ.

Жили, де не жили, десь межи горами, за густыми лѣсами жили разъ дѣдо та баба та мали они по одной донцѣ. И дѣдо-мавъ свою и баба свою. Дѣдова донька была тиха, послушна, роботяща, а бабина пышна, сварлива та до роботы непотрѣбна.

Хвалила баба свою доньку, выхваляла. та дѣдо за свою мовчавъ.

Прийшла зима, почали обѣ дѣвки ходити на вечерницѣ. Дѣдова донька сѣла межи старѣ жоны та цѣлый вечеръ пряла. Каждого вечера напряла одно веретено.

Бабина донька межи молодыми веселилася, изъ хлопцями танцьовала. До дому ани одно веретено не принесла.

Звѣдае отъ неѣ еѣ мати:

— Что ты, донько. напряла?

— Два веретена, сего дня — отповѣла бабина донька. — Только я не хочу веретена изъ собою носити, та у маточки ихъ лишаю.

— Добре ты робишь, — сказала баба, та хвалила свою доньку, каждому хвалила.

Разъ верталися обѣ дѣвчата изъ вечерницъ та

лѣзли черезъ перелазъ. Бабина скоро перескочила. бо въ рукахъ ничего не мала. Дѣдова кужѣль и два веретена несла. Якъ почала и дѣдова донька перелѣзати черезъ перелазъ, каже ей бабина донька:

— Подай менѣ веретена, я ихъ подержу, доки ты перелѣзешь!

Передала дѣдова донька оба веретена бабиной донцѣ, та тота на неѣ не почекала, веретена ей не передала, але побѣгла до своей мамки та почала хвалитися:

— Дивѣться, я и нынѣ два веретена на пряла та вамъ показати принесла. Але дѣдова донька ничъ не пряла, цѣлый вечеръ изъ хлопцями танцьвовала.

Побѣгла баба до дѣда та заразъ и похвалилася.

Погнѣвався, розсердився дѣдо та якъ ёго донька до дому прийшла, не почекавъ, чтобы чтось сказала. изъ хаты еѣ выгнавъ, у свѣтъ вандровати та служити откѣрявъ.

Пошла дѣдова донька, ни слова не сказала, бо дуже тиха та дуже послушна она была. Якъ она ходить. вандрує. находить у лѣсѣ маленьку хатчину. На порозѣ хатчины сидить старый дѣдо.

Поклонилася дѣдова донька а старый дѣдо ей сказавъ:

— Ходи, пѣресади мене черезъ сей порогъ!

Дѣдова донька пошкодовала старого чоловѣка та черезъ порогъ пересадила.

Каже ей тогды дѣдо:

— Я дуже голодный, навари менѣ чирю!

Дѣдова донька зайшла до хатчины та старому дѣдови чирю наварила.

Говорить тогды дѣдо:

— У мене руки трясуться, вже три роки голову не обмывъ, волося свое не зачесавъ. Обмый ты мою голову та зачеши мое волося!

Дѣдова донька ни слова не сказала. старому чоловікови голову обмыла, волося зачесала.

Каже тогды старый дѣдо:

— Я теперъ за своимъ дѣломъ пойду та только завтра рано до дому вернуся. Ты доти туй останься. хатчину выхари, на постели переспи. Только на одно сокоти, въ повночи придуть сюды легинѣ, подъ окномъ стануть, тебе до танцевъ кликати будуть. Ты дверѣ имъ не отвори, до танцевъ изъ ними не пойди. Доти дури, доки когуты не запѣють, тогды они изъ подъ твоего окна утечуть.

— Такъ и зробию — сказала дѣдова донька та осталася въ хатчинѣ. Все въ хатчинѣ вычистила, все упорядковала та лягла собѣ на маленькой постели.

У повночи заклопкали, задуркали въ малое оконце. Дѣвчина пробудилася, схопилася. Подъ окномъ стояли краснѣ легинѣ та до неѣ говорили:

— Ходи. дѣвчино, изъ нами танцювати!

— Я бы ишла — сказала дѣвчина — але не маю

платя. Отойшли легинѣ та принесли платя золотомъ перетканое та знову кличуть:

Ходи, дѣвчино, танцьовати!

Каже дѣдова донька:

— Я бы ишла, але въ постолахъ не можу. Принесѣть менѣ топанки!

Принесли легинѣ топаночки изъ чистого золота та діамантами выкрашенѣ. Тогды и пильнують:

— Та теперь уже ходи и платя и топанки маєшь!

Дѣвчина подумала, чимъ бы еще могла легиневѣ дурити та сказала:

— Але не маю мониста!

Принесли легинѣ монисто изъ самыхъ свѣтлыхъ перелѣ, та дѣвчину опять до танця кличуть.

— Пошла бы я — сказала дѣвчина — та якъ я маю пѣша ити, въ золотыхъ топаночкахъ у снѣгу бродити?

Принесли легинѣ золоту кочию изъ чотырьма коньми, вся упряжь на нихъ дорогими камѣнями, діамантами окрашена.

Говорять теперь легинѣ:

— Ты насъ уже дальше не дури. але ходи скорѣ изъ нами. бо часъ минае!

Напудилася дѣвчина, бо не могла вже собѣ пригадати, чимъ бы еще легинѣвѣ дурити.

Сказала имъ:

— Такой уже иду, только платя на себе возьму!
Легинѣ мало почекали, та дале пильновали:

— Ци вже платя на себе взяла, ци вже идешь?

— Иду, иду! — говорила дѣдова донька — только топанки ще убую!

Якъ дѣвчина ще все не выходила, легинѣ дале пильновали:

— Ци платя на себе взяла, ци топанки убула, ци вже идешь?

— Иду, иду, только ще волося зачешу! — сказала дѣвчина.

Доки она волося свое чесала, запѣли когуты. Легинѣ изъ подъ окна повтѣкали. зчезли та лишили тамъ и дорогое платя, монисто и кочію та и конѣ.

Приходить рано до дому старый чоловікъ та каже дѣвчинѣ:

— Мудро ты зробила, что мене послухала, знай, то были самѣ чорты. Теперъ ты въ кочію сядь та до дому повезися. Изъ того, что ты сеѣ ночи достала, можете жити изъ своимъ няньомъ въ богатствѣ!

Сѣла дѣдова донька въ золоту кочію. Чотыри конѣ еѣ повезли до дому. Принесла на собѣ золотое платя, золотѣ топаночки та перловое монисто.

Зрадовався дѣдо, коли свою доньку изъ такимъ богатствомъ увидѣвъ приходити, та зазвѣдавъ:

— Отки се ты, моя донько, достала?

— Въ лѣсѣ хатчину, та старого пана найшла. Тамъ

я сесе собѣ заслужила — сказала дѣдова донька.

Учула се баба, якое богатство собѣ дѣдова донька заробила, заслужила, сказала своей донцѣ:

— Иди и ты у тотъ лѣсокъ, поглядай тамъ малу хатчину та старого пана. Коли дѣдова донька могла вернуться изъ такимъ богатствомъ, то ты еще больше заробишь, заслужишь, бо ты и разумнѣйша и красша!

Пошла бабина донька вандровати, у лѣску малу хатчину та старого пана глядати та до него въ службу стати.

Недалеко ишла, не довго вандровала, найшла и она малу хатчину, что на еѣ порозѣ старый дѣдикъ сидѣвъ.

Бабина донька дѣдови не поклонилася, але вже изъ далека до него закричала:

— Ци туй тотъ панъ живе, у кого дѣдова донька служила?

— Туй — сказавъ старый чоловѣкъ.

— Та и я тогды туй служити хочу — силовалася бабина донька.

— Добрѣ — сказавъ старый дѣдо — але разъ ходи, пересади мене черезъ порогъ!

— Что? Я такихъ старыхъ жебраковъ черезъ порогъ пересажовати буду? — смѣялася бабина донька, та лишила старого на порозѣ а сама зайшла въ хату.

— Навари тогды менѣ чиру, бо я дуже зголоднѣвъ
— сказавъ ей старый.

— Коли ты зголоднѣвъ, звари собѣ самъ, — от-
повѣла бабина донька, та сѣла собѣ та на пана че-
кала.

Каже ей старый дѣдусь:

— У мене руки трясуться. Вже три роки якъ го-
лову собѣ не помывъ, волося собѣ не зачесавъ. По-
можи менѣ, помый мою голову, та зачеши мое во-
лося.

— Говори дурницѣ! — отповѣла дѣвчина. — Хиба
я такимъ дурнямъ голову буду обмывати та волося
зачесовати?

Старый дѣдо тогды вставъ. Черезъ порогъ самъ
перейшовъ, чиру собѣ самъ зваривъ. Потому и го-
лову собѣ обмывъ и волося собѣ зачесавъ.

Тогды сказавъ бабиной донцѣ:

— Не помогла ты менѣ, не пожаловава старого
чоловѣка. Але я за то тобѣ добру пораду дамъ. Мо-
жешь тутъ у хатчинѣ остатися та и переночовати.
Десь у повночи прийдуть сюды легинѣ та будуть
тѣбе до танця просити. Ты изъ ними не одойди, але
ихъ всяко дури, доки когуты не запѣють.

— Добре. добре. — говорила бабина донька — то
я вже и безъ твоеѣ порады тутъ перебуду, доки твой
панъ до дому вернесь!

Дѣдо зобрався та лишивъ бабину доньку саму у хатчинѣ.

Бабина донька сидѣла, сидѣла та позѣвала. нудилася. Ледвы чекала, чтобы вже тоты легинѣ прийшли, изъ нею заговорили, та до танцевъ кликали.

Около повночи справдѣ заклопкали въ окно:

— Ци ты туй, бабина донька. Ходи изъ нами веселитися, танцьовати!

Подивилася бабина донька, кто до неѣ говоритъ та увидѣла подъ окномъ дасъ десятохъ легиньовъ, одинъ красшій отъ другого.

Зрадовалася бабина донька та закричала:

— Иду, иду, якъ бы не ишла!

Тымъ и выйшла изъ хаты. Легинѣ взяли бабину доньку та еѣ просто до пекла повели. Тамъ почали изъ нею веселитися та танцьовати.

Чекала баба на свою доньку, чекала та николи еѣ не дочекалася. може еще и теперъ еѣ чекае.

А дѣдо изъ своею донькою жили въ щастю та въ богатствѣ. Може ще и нынѣ такъ двое жиють, коли дѣдо не подумавъ, та свою доньку за якогось великого пана, принца, ци короля не отдавъ.

А тогды вже у нихъ и дѣти и внуки, може и правнуки суть, бо отъ того часу довгѣ довгѣ роки мали протекти.
